

М.М. ГАЛИЕВ

В поисках "глобального синтеза"

О том, что обществоведение сегодня переживает не лучшие времена, писалось многократно. Некоторые авторы, например, усматривают кризис исторической науки в утрате понятия цели. Прежде историки реконструировали прошлое, чтобы понять ее общие законы, на их основе объяснить настоящее и дать рекомендацию, какие действия должны быть предприняты для наилучшего устройства будущего.

Но с этой "прогностической задачей" у историков явно не заладилось. Чтобы составить здравый прогноз, необходимо знать главные закономерности всемирного исторического процесса. Для этого необходимо выстроить здание единого объяснения всей истории человечества, здание общей для всех интерпретации. Но как строить дом по десятку разных архитектурных планов?! А в научной истории сложилось именно так: множество методологий, множество разнообразных толкований боролись и борются за звание универсальной истины. У тех одни закономерности, у этих другие, третьи объявляют, что закономерностей вообще нет или же они принципиально неуловимы. Конфликт интерпретаций оказался настоящей дисфункцией исторической науки. В 70-80-х годах в мировом сообществе историков установилась великая тоска по "глобальному синтезу" или, иначе, по "директиве интегрального объяснения". «Если нет единого знания, "глобального синтеза", то историческая наука автоматически теряет гордое звание "учительницы жизни", утрачивается главный смысл исследовательских усилий» [1].

К сожалению, сам автор данной цитаты делает вывод о конце истории как прогностической дисциплины ("глобального синтеза не получилось и, видимо, уже не получится" [1]) и ратует за уход историков в "исторический маньеризм", в микроисторию, за обращение к изучению частных судеб отдельных личностей и т.п.

Однако не все историки теряют надежду. Это показывает, например, недавно вышедший в свет первый том работы А. Хоцея "Теория общества" [2]. Данное сочинение представляет собою как раз еще одну заявку на решение задачи "глобального синтеза".

Если поискать какие-то методологические параллели взглядам Хоцея, то, пожалуй, ближе всего они примыкают к марксизму (что естественно для любой монистической концепции истории) и системному подходу. Впрочем, вряд ли сторонники ортодоксального марксизма признают Хоцея за своего. Что же касается системного подхода, то и здесь концепция является довольно радикальным новшеством.

Хоцей рассматривает общество как целое, причем понимание самого феномена целого у него серьезно отличается (и, как кажется, в лучшую сторону) от того содержания, которое вкладывается в этот термин современной наукой. Исследованию и описанию данного феномена посвящена первая философско-методологическая часть "Теории общества". Не стану пересказывать ее содержание: это надо читать, ибо концепция автора отличается оригинальностью и редкой целостностью, так что вырвать из нее какой-либо фрагмент весьма сложно. Представление о целом, действительно, может быть лишь целостным; непротиворечиво охарактеризовать целое можно только его дотошным и полным описанием. Поэтому лишь отмечу, что своей трактовкой целого Хоцей, по существу, вводит в философскую науку новый и, по-видимому, очень значимый объект исследования.

В той же первой части автор дает беглый очерк теории общества в его "стационарном функционировании и развитии". Здесь Хоцей и обнаруживает свои марксистские наклонности,

Г а л и е в Мунир Мансурович - социолог.

привязывая общественные структуры к характеру производства, а изменения обществ - к изменениям орудий труда. В то же время автор сильно модифицирует марксово учение в ряде его существенных моментов (например, в отношении учения о классах, в вопросе о процессе смены формаций и т.п.). В целом же данный раздел представляет собой лишь предварительное и самое беглое описание общества и закономерностей его бытия. К более детальной разработке данной темы автор приступает во второй части тома.

Эта часть посвящена становлению общества, т.е. первобытной эпохе существования человечества. На мой взгляд, концепция первобытности Хоцей достаточно интересна и заслуживает пристального внимания. Вкратце она может быть описана следующим образом.

Отталкиваясь от методологического различия процессов становления и развития и анализируя археологический, этнографический и прочий материал, Хоцей высказывает весьма убедительную гипотезу о существовании в период первобытности двух типов родов - "классического", основанного на чисто половозрастных, а не родственных отношениях, и "родственного", формирующегося уже на базе подлинного родства. Это представление позволяет автору систематизировать и объяснить многие факты, которые сегодня не имеют общепризнанных трактовок, в том числе - происхождение агамии, эндогамии, группового брака и т.п. Попутно автор высказывает и множество других любопытных соображений. Но особенно ценно все же именно то, что ему удалось связно, логически последовательно и убедительно проследить, описать и объяснить перипетии становления человеческих сообществ.

Нельзя также не отметить живой и образный стиль книги. Самые сложные вопросы Хоцей излагает простым и доступным языком, возможно, кое в чем даже перегибая в этом плане палку. Но в целом текст читается легко и с неослабевающим интересом.

Можно порекомендовать прочесть эту книгу всем специалистам в области философии, обществоведения и истории. Создается впечатление, что ею открывается новое значительное направление в исследовании социальных структур. Конечно, пока в распоряжении читателей имеется только первый том "Теории общества", но и изложенного в нем уже достаточно, чтобы заставить научное сообщество по-новому взглянуть на такой объект познания, как общество. Остается пожелать, чтобы автору в обещанных последующих двух томах удалось удержаться на достигнутом уровне и дать цельную картину исторического процесса развития человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Володихин Д.* Не думай о минувшем свысока // Книжное обозрение. 1999. № 48. С. 7.
2. *Хоцей А.* Теория общества. Казань, 1999.